

Б.А. Старков

ФЕВРАЛЬСКИЙ ИЗЛОМ 1917 ГОДА

Февральская революция явилась стихийным событием, положившим начало коренному перелому в судьбах народов России. Возникновение двоевластия во многом определило специфику российского политического процесса в условиях крушения государственности имперского типа и продолжающейся мировой войны. Процессы разрушения российского государственного аппарата подтвердили неспособность российской буржуазии к самостоятельному выходу из общеполитического кризиса. В этом смысле Февраль 1917 г. в действительности стал прологом Октября 1917 г.

Те, кто расшатывают государственный строй, чаще всего первыми и гибнут при его крушении. Плоды смуты никогда не достаются тому, кто ее вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие.

Мишель Монтень

Со дня Февральской революции 1917 г. в России прошло 90 лет. Однако сегодня вокруг этого явления у политологов и историков не утихают споры. Было ли это благом для России или ее несчастьем? Являлась ли революция результатом заговора масонской закулисы или это было стихийное движение народных масс? Наконец, почему мощная государственная машина российских спецслужб МВД и Военного ведомства не смогла достаточно эффективно противодействовать крушению российской государственности имперского типа? Почему эта государственность легко обрушилась, погребая под своими останками атрибуты и символы российского самодержавия?

Царская монархия, отметившая с большой помпой в 1913 г. 300-летие правящей династии Романовых, рухнула практически за несколько дней. Все это было настолько неожиданно и столь поразительно, что историки останавливаются перед этим фактом как перед некой загадкой. Различные концепции предлагались и предлагаются для ее объяснения. Так, в отечественной историографии советского периода прочно утвердилась концепция, «организуемой роли большевистской партии»¹. В зарубежной историографии долгое время господствовала и до сих не отошла в прошлое концепция

тотальной стихийности Февральской революции². Споры вокруг этих вопросов и проблем с самого начала приняли острый идеологизированный и политизированный характер, в котором научная аргументация нередко заменялась крепким словом или серьезным политическим обвинением.

Новый 1917 г., казалось, не предвещал серьезных социально-политических потрясений. Воюющие державы рассчитывали в этом году добиться решительного перелома в Великой войне. Уже через полгода с начала военных действий стали очевидными просчеты высшего военно-политического руководства и Генеральных штабов ведущих европейских держав Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании и России на проведение кратковременной, маневренной, победоносной кампании, успех в которой решали в основном полководческое искусство, боеготовность и боеспособность вооруженных сил. Вместо этого получилась долговременная война, которая тянулась уже четвертый год.

Российский император Александр III с полным основанием считал российскую армию и флот самыми «верными союзниками» самодержавия. После военной реформы во второй половине XIX века Россия действительно располагала высокопрофессиональной, прекрасно вооруженной и экипированной, дисциплинированной кадровой армией с хорошо подготовленным офицерским и унтер-офицерским составом, высокой степенью мобилизационной способности и боеготовности, исполненной боевого духа. Однако XX столетие внесло свои серьезные коррективы, военно-пассионарный потенциал Российской империи к этому времени практически полностью исчерпал себя. Войну начинали профессиональные, хорошо вооруженные и экипированные, высокодисциплинированные кадровые армии с высокими степенью мобилизационной способности и боеготовности, исполненные боевого духа. В 1917 г. это были уже огромные насильно мобилизованные массы вооруженных людей численностью до 74,2 млн. человек со слабой дисциплиной и крайне низким боевым духом, охваченные массовым активным и пассивным неповиновением. Практически разлагались и медленно прекращали свое существование армии всех Великих империй: Российской, Габсбургской и Германской. В Британской империи впервые был введен призыв на военную службу, и суровый усатый военный министр лорд Китченер обращался к новобранцам с призывом «Ваша страна нуждается в Вас!». Во Франции в действующую армию стали призывать население колоний и полуколоний.

Великая война начиналась в условиях небывалого спонтанного всплеска воинствующего патриотизма и «романтического национализма», в обстановке стихийного национального единства и согласия, верности союзническому долгу, во имя скорой победы, а заканчивалась полным и окончательным крахом консервативно-монархических и царистско-кайзеровских иллюзий и глубоким разочарованием в либерально-демократических идеалах и ценностях, заполнением идейно-политического вакуума различного рода популистско-демагогическими и радикально экстремистскими идеями в виде лозунгов «Война войне», «Грабь награбленное» и т.д.

За годы войны сильно изменилось сознание, менталитет русского народа. Десятки миллионов мобилизованных солдат, прошедших окопы первой мировой войны к четвертому году оказывались носителями «окопной психологии» как особой формы милитаризованного сознания, легко поддающегося на радикально-экстремистские, популистско-демагогические лозунги и призывы крайних сил от националистов до интернационалистов. Носителями такого сознания стали по всей массе сорганизованные в партийно-общественные структуры типа Красной и Белой гвардии в России, фашистской милиции в Италии, «Стального шлема» и штурмовиков в Германии, офицерские союзы и организации.

Война привела к окончательному краху 2-го Социалистического Интернационала как единого союза марксистских партий. Это окончательно погребло догму об особой интернациональной роли европейского пролетариата и неизбежности торжества мировой социалистической пролетарской революции в ходе превращения войны империалистической в войну гражданскую. Великая война, несмотря на победу либерально-демократических держав Антанты (Англии, Франции, США), не привела к реализации и установлению на мировом уровне идеалов мира, свободы и демократии. Скорее всего, она открыла широкую дорогу целой серии последующих социально-политических и экономических потрясений, локальных, региональных и мировых войн, расчистила дорогу к власти тоталитарных режимов: большевиков в России, фашистскому в Италии и национал-социалистическому в Германии.

Российский капитализм был самым молодым и не вынес тяжести имперских амбиций и военных усилий в годы Великой войны. Когда война из первой маневренной фазы перешла во вторую, позиционную, ее исход в значительной степени был предрешен критическим истощением военно-экономического

потенциала каждой из воюющих держав. Наибольшая нагрузка – до 50% военных усилий, – приходилась на российский театр военных действий. При этом следует учитывать, что военно-экономический потенциал Российской империи был в 34 раза меньше, чем ее союзников по Антанте. Военно-политический крах России в последней войне империи был объективно обусловлен как общей социально-экономической и военно-технической отсталостью, так и крайне невыгодным геостратегическим положением. Россия фактически в одиночку удерживала Восточный фронт от Балтики до Черного моря (1934 км) и Кавказский фронт от Черного моря до Персии (1100 км) против объединенной мощи Германии, Австро-Венгрии и Турции общей численностью 140 дивизий в 1915 г. В то время как на Западном фронте общей протяженностью 630 километров против 130 англо-французских дивизий действовало 80 германских³.

К началу 1917 г. фактически полностью была уничтожена кадровая русская армия. Ее цвет – императорская гвардия, – в надежде переломить ход военных действий была направлена на фронт. Унтер-офицерский и офицерский состав был выбит в ходе кровопролитных боев. Им на смену пришли прапорщики запаса, выпускники школ прапорщиков, мобилизованные 1-го и 2-го разрядов, призывная молодежь и ратники-ополченцы.

Армия и флот как институты силовой опоры российского самодержавия к началу 1917 г. превратились в «пороховую бочку». Особенно ее тыловые части, где сосредоточились запасные части и вновь мобилизованные солдаты, не желавшие воевать и не знавшие, за что воевать.

Постоянные военные неудачи российской императорской армии в 1914–1916 гг., перманентные скандалы в высших эшелонах власти, министерская «чехарда», слабование императора Николая II, постоянные нападки думской и буржуазно-либеральной оппозиции на власть в печати, катастрофический рост цен, перебои в снабжении городов, транспортный кризис – все это и многое другое окончательно подорвали остатки бывшего авторитета царской власти и рассеяло остатки бывших монархических иллюзий. Война стихийно породила ментальную большевизацию традиционного российского общества.

Процесс мирной эволюции Российской империи с ее аграрно-индустриальной экономикой, феодально-абсолютистским государственным строем, со слабыми сословно – представительными учреждениями, в передовую индустриальную державу был резко прерван мировой войной. Переход от «маневренного» этапа

к «позиционному» привел к окончательному краху надежд царского самодержавия на быструю и победоносную войну. Исход войны теперь стали окончательно определять не военное искусство, а эффективность военно-экономического потенциала держав и способность правящих элит мобилизовать и организовать на войну все силы общества и государства. Так, либерально-демократические правительства во Франции, Великобритании и США смогли консолидировать свои народы на основе общенациональных ценностей и мотивации необходимости защиты своей родины. В Российской империи власть не позаботилась о формировании «правительства доверия» и создания «ответственных министерств», поэтому самые политически и социально активные слои и группы российского общества не были как-то вовлечены к управлению страной, к мобилизации всех сил от «монархистов до анархистов» на оборону Отечества. Николай II оставался вплоть до своего отречения на позициях персонального единовластия и продолжал опираться лишь на высшие эшелоны государственной бюрократии и военно-полицейские структуры. По мере ухудшения военно-политической и социально-экономической ситуации в стране в оппозицию к царскому режиму встали практически все социальные слои и политические силы российского общества от либеральной бюрократии, фрондирующей аристократии, буржуазно-помещичьих кругов, до интеллигенции, служащих, рабочих и национальных меньшинств⁴.

К началу 1917 г. царский режим оказался в политической самоизоляции и в социальном вакууме, потеряв окончательно опору в городах и в действующей армии. Авторитет царской монархии и личный престиж Николая II и его семьи снизился фактически до нулевого уровня. Особенно негативную роль в этих процессах сыграла крайне негативная форма российского фаворитизма XX столетия – распутинщина, когда назначение на высшие государственные посты чиновники получал не в соответствии с их компетентностью, а по степени близости к дворцовой камарилье. Николай II взял на себя высшие государственные и военные полномочия и в критические моменты истории оказался неспособным по своим личным качествам исполнять функции верховного руководителя, как это получилось у премьер-министра Франции Жоржа Клемансо, спасшего страну от военно-политического краха в 1917 г., или у английского премьера Ллойд-Джорджа в 1916 г., сумевшего мобилизовать все силы необъятной Британской империи на победу над Германией.

Российский император по-прежнему опирался на узкий круг лично ему преданных сановников, тасуя их время от времени по постам в правительстве. В конечном итоге на самых важных государственных постах оказались люди малокомпетентные, безынициативные и инертные. Такими в частности были: председатель Совета Министров Российской империи 67-летний князь Н.Д. Голицын, абсолютно некомпетентный думский деятель А.Д. Протопопов, назначенный на ключевой пост главы МВД Российской империи в декабре 1916 г., военный министр М.В. Беляев, получивший прозвище в среде военных «Мертвая голова», командующий столичным Петроградским военным округом, совершенно безынициативный отставной казачий генерал, 65-летний С.С. Хабалов. Главной опорой самодержавия в начале 1917 г. являлись традиционная российская политическая инерция стомиллионного российского крестьянства и консервативно-охранительная часть государственной и военно-полицейской бюрократии⁵.

К началу 1917 г. немецкие войска оккупировали 16 западных губерний Российской империи. Здесь было сосредоточено более 20% экономического потенциала страны, из 15 млн. мобилизованных в армию в строю осталось только 10 млн., а 5 млн. составили убитые, раненые, пропавшие без вести, взятые в плен и демобилизованные по инвалидности⁶. В стране начиналась экономическая разруха, поскольку отсталая российская аграрно-индустриальная экономика не могла вынести бремени военных усилий. Покупательная способность рубля упала почти в 4 раза и составила 26–27 довоенных копеек. Государственный долг к 1 января 1917 г. за счет военных расходов возрос в 3,8 раза и составил 33 580,8 млрд. рублей⁷. Соответственно поднялись цены на товары первой необходимости.

Милитаризация экономики страны привела к перманентному транспортному кризису, железные дороги были на 80% и более заняты военными и оборонными перевозками. Резко усилилась имущественная поляризация населения, на 20-25% снизился уровень его жизни в целом. Страна начала медленно и неотвратимо погружаться в общенациональный кризис, постепенно охватывавший все сферы жизни российского общества.

К этому времени германские военно-политические круги все больше склонялись к заключению сепаратного мира. Для международной обстановки накануне Февральской революции характерно было заметное улучшение военно-стратегического положения Четверного союза. На Западном фронте была сооружена глубоко эшелонированная линия обороны («Зигфрид»).

Попытки ее прорыва позднее, как известно, завершились провалом. На Восточном фронте все попытки русских армий выйти из позиционной войны оказались неудачными. Стратеги Антанты проявляли большую обеспокоенность в связи с подобным положением дел. Новое германское командование, назначенное в августе 1916 г., предприняло самые решительные шаги для мобилизации всех ресурсов для нужд фронта.

1 февраля 1917 г. Германия объявила неограниченную подводную войну, своим острием направленную против Англии. Людские ресурсы Антанты, особенно Франции, были на исходе.

Противники Антанты делали ставку на более активное использование сил и средств тайного противоборства шпионажа – диверсий, идеологических и экономических акций подрывного характера. Еще в марте 1915 г. А. Парвус (И.Л. Гельфанд) бывший российский социал-демократ, бывший член президиума Петербургского совета рабочих депутатов, а в начале мировой войны германский социал-демократ, торговый спекулянт, весьма близкий к германским спецслужбам и правительственным верхам, представил германскому правительству план организации революции в России, получивший известность как «меморандум доктора Гельфанда». По этому плану предлагалось выделить деньги для поддержки всех антиправительственных организаций в России от большевиков и Бунда до финских активистов и социал-демократов в целях активизации антигосударственной деятельности для быстреего выхода России из войны. Германское правительство выделило в 1915–1917 гг. 382 млн. марок из 80 млрд. марок военного бюджета на ведение пораженческой пропаганды в странах Антанты, в том числе на Россию было затрачено 40 580 977 марок, часть из которых досталось большевикам⁸.

Война расколола не только Европу и мир, но и российскую социал-демократию. Переход партий II Интернационала с интернациональных позиций на националистические не смог убедить Ленина в бесперспективности его стратегии. Он продолжал оставаться на позициях превращения войны империалистической в войну гражданскую. Ленинские тезисы об отношении социал-демократов к войне были найдены у арестованных членов большевистской фракции Государственной Думы и послужили одним из главных обвинений в государственной измене. В них вполне определенно заявлялось, что каждый социалист обязан бороться со своим правительством, а лучшим исходом войны должно стать поражение царского правительства как

самого реакционного. Чтобы быть ближе к России, Ленин поселился около Кракова на территории, входившей в состав Австро-Венгерской империи. В начале войны, как все российские подданные, находящиеся на территории империи Габсбургов, он был арестован и оказался в тюремной камере №5 в австрийском городе Новый Тарг по подозрению в «русском шпионаже». Только благодаря вмешательству австрийских социал-демократов Виктора Адлера и Г. Диаманди он был освобожден из тюрьмы и немедленно выехал в Швейцарию под поручительство швейцарского социал-демократа Г. Грейлиха.

Ленин инициировал раскол российских социал-демократов и стал единственным лидером самой радикальной и экстремистской группировки в РСДРП. Его бывший друг и соратник Вольский (Валентинов) писал о нем так. «Он непоколебимо верил, что в нем олицетворяется идея и участь Великой Революции, что только он один обладает верным знанием, как вести революцию, обеспечить ей успех, и поэтому-то ему, всевидящему водителю, нужно сохранять и оберегать свою жизнь. Вера в свою избранность и предназначенность вошла в него с давних пор. На поддержку себя он смотрел как на поддержку революции, а при таком понимании цель оправдывает все средства...»⁹. Очевидно учитывая эту особенность ленинского характера, можно понять его постоянные действия, направленные на отмежевание большевиков-ленинцев, как истинных марксистов-революционеров от прочих меньшевиков, предателей-ренегатов, тайных и явных оппортунистов-ревизионистов, ликвидаторов, отзовистов, богоискателей, реформаторов. Ленина совершенно не устраивало быть партийным деятелем вечно оппозиционной, легальной партии, депутатом безвластной Государственной Думы. Он позиционировал себя не меньше чем лидером революционной социал-демократии, а в недалеком будущем – вождем революционного пролетариата в России.

Важную роль в революционной технологии захвата власти в России сыграло ленинское учение об империализме, как высшей стадии развития капитализма и кануне социалистической революции в России и в мире.

Крушение II Интернационала непосредственно сказалось на большевиках – в обстановке патриотического подъема начала войны они оказались в политической самоизоляции, а органы политического сыска фактически разрушили организационные структуры РСДРП(б) в России. Многие профессиональные партийные работники оказались в тюрьмах и ссылках, а оставшееся меньшинство ушло в глубокое подполье. Партийная касса быстро

опустела. Партия большевиков переживала глубокий организационный и экономический кризис¹⁰.

Весной 1915 г. А.М.Горький основал издательство «Парус». В планах его работы было издание серии популярных брошюр «Европа до и после войны». По совету М.Н.Покровского Ленина пригласили в качестве автора вводной брошюры. Он активно занялся обоснованием социально-экономических предпосылок неизбежной победы социалистической революции с учетом тех изменений, которые к этому времени произошли в развитии капитализма, когда исчерпала свои возможности территориальная экспансия империалистических держав с образованием колониальных империй, и началась борьба за передел уже поделенного мира. Все это нашло свое выражение в 1916 г. в рукописи Ленина объемом 15 печатных листов озаглавленной «Империализм как высшая стадия капитализма»¹¹.

Формула Ленина об империализме как кануне социалистической революции стала краеугольным камнем идеологии марксизма-ленинизма. Опираясь на свое понимание империализма, Ленин сконструировал вывод об углублении общего кризиса капитализма и неизбежности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране, а затем и в мировом масштабе. Перспектива обрести власть через насилие привела Ленина к политическим выводам. Ничего научного в них, как показало время, не было. Настоящая их цель была не объективно исследовать капитализм и основные тенденции его развития, а вернуть себе лидерство в российской и международной революционной социал-демократии. Он решил обосновать новую стратегию и тактику революционного захвата власти, используя углубление межимпериалистических противоречий в ходе затянувшийся первой мировой войны. Его выводы и публицистика были оторваны от жизни. Так, например, он много писал об империализме как одряхлевшем, умирающем капитализме, распадающемся общественном строе накануне пролетарской революции. Ленин пренебрегал потенциалом демократических институтов и считал буржуазную демократию юридической фикцией. Он утверждал, что настоящая демократия носит классовый, а точнее пролетарский характер. Временные ограничения основных демократических прав и свобод в годы первой мировой войны Ленин принял за начало краха либеральной и парламентарной демократии. Частная собственность как экономическая основа демократии и плюрализм как идеологическая несовместимы с теорией и практикой коммунизма – тотальным обобществлением – огосударствлением всей собственности, власти и информации в руках партии-государства и его руководства.

Проблему отношений между метрополиями и колониями Ленин рассматривал исключительно с политической точки зрения. Он считал, что империализм потерпит крах под объединенным напором социалистической революции в метрополиях и национально-освободительного движения в колониях и полуколониях. Действительность оказалась более сложной. Главный методологический недостаток высказываний Ленина об империализме состоял в том, что в нем отсутствовали попытки объективно исследовать империалистические тенденции начала XX столетия с учетом конкретно-исторических и национально-цивилизационных особенностей капитализма в ведущих государствах мира. Вместо этого Ленин рассматривает противоречивое развитие капитализма исключительно в контексте настроения большевиков на победу в мировом масштабе.

Все это весьма напоминало религиозно-мистические и политико-идеологические учения прошлого, в основе которых лежала слепая вера в непререкаемые догматы. С настоящей наукой такой идеологизированно-политизированный подход, основанный на вере в фатальную неизбежность революционного краха империализма, не имеет ничего общего. История XX столетия полностью опровергла постулаты Ленина об империализме как последней стадии монополистического капитализма, кануне социалистической революции. Ленинские претензии на универсальность остались не более, чем претензией. Империализм вовсе не оказался смертельной болезнью мирового капитализма. Судьба России оказалась совершенно иной, не имеющей ни малейшего отношения к «научным предвидениям» Ленина. Россия вплоть до начала первой мировой войны, несмотря на ускоренную модернизацию конца XIX – начала XX столетия, не успела преодолеть свое отставание от передовых высокоразвитых индустриально-аграрных стран Запада.

Определяя историческое место капитализма и империализма и общую стратегию победоносной мировой пролетарской революции, Ленин сделал совершенно противоположные выводы, нежели это следовало из анализируемого материала. В отношении же тактики борьбы за власть в охваченной кризисом России он проявил незаурядную изворотливость.

После того, когда надежды на мировую социалистическую революцию в начале первой мировой войны не оправдались Ленин приступил к обоснованию тезиса о победе революции в одной стране. Самым слабым звеном империализма по его мнению была Россия, поскольку империалистическая война обусловила» революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической

революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Оценивая внезапный успех Февральского переворота, который буквально за три дня смел царское самодержавие, Ленин «постфактум» подвел под эту буржуазно-демократическую революцию теоретическую базу. Очевидно, мы так никогда не узнаем, что на самом деле он думал о перспективах социалистической революции в России. Ведь сообразно ситуации Ленин, выступая перед молодыми швейцарскими социалистами говорил о неопределенно долгой перспективе, а своим ближайшим соратникам о скорой и неизбежной революции. Ждать победы социалистической революции на Западе, либо самим организовать революционный переворот в России и «подтолкнуть» революцию в Европе – иных альтернатив Ленин не видел.

Создавшаяся обстановка давала большевикам реальный шанс на политический переворот в России. Ленин и его ближайшие сподвижники сумели увидеть эту возможность, в создании которой они не принимали участия.

Февральская революция имела два аспекта: рабочие стачки и демонстрации, которые повсеместно начались в Петрограде 23 февраля, а также солдатский бунт, начавшийся 27 февраля. В Международный женский день 23 февраля 1917 г. женщины – работницы текстильных фабрик Выборгского района Петрограда прекратили работу и вышли на улицы города с единственным требованием «Хлеба». Полиция разогнала эти демонстрации, однако к женщинам присоединились рабочие металлообрабатывающих заводов, а руководство стачкой перешло в руки представителей социалистических партий социал-демократов и социалистов-революционеров. 25 февраля выступления рабочих в столице Российской империи увенчалось всеобщей забастовкой, которая парализовала нормальную жизнь столицы.

Количество стачечников превысило 200 тысяч человек. Демонстранты заполнили центр столицы и сконцентрировались на Знаменской площади у Николаевского вокзала. Они нападали на полицейских, а казаки и солдаты не проявляли особого желания заниматься их усмирением.

Гарнизон Петрограда во время войны состоял из запасных частей. В его состав входили 14 запасных батальонов гвардейских полков: Преображенского, Семеновского, Павловского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Финляндского, Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Волынского 1-го и 2-го Стрелковых. Кроме того в Петрограде были расположены 1-й Запасной пехотный полк, 1-й и 4-й Донские казачьи полки,

Запасной самокатный батальон, Запасной броневой автомобильный дивизион, саперы, артиллеристы и другие небольшие части. Наконец, в Петрограде находилось несколько военных училищ и курсов, но было решено в случае беспорядков к их помощи при усмирении не прибегать, так как для защиты самодержавного строя они признавались ненадежными. Общая численность Петроградского гарнизона составляло около 160 тысяч человек¹².

Запасные батальоны были переполнены людьми, призванными из запаса и в ротах состояло по 1 тысяче и более человек переменного состава.

Правильное обучение и воинское воспитание такой массы было чрезвычайно затруднено для офицеров и унтер-офицеров новой формации. Размещение, обмундирование и снаряжение многочисленных запасных батальонов представляло огромные трудности, все эти и другие недочеты вызывали вполне оправданное недовольство солдат. При увольнении в город солдаты запасных батальонов постоянно попадались за нарушение порядка и воинской дисциплины. Поэтому их командиры старались, как можно реже выпускать личный состав из казарм, вследствие чего установился своеобразный «тюремный» режим. Эти солдаты запасных батальонов не горели желанием поскорее отправиться на фронт и представляли чрезвычайно благоприятную почву для антиправительственной агитации.

Командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов был практически не подготовлен к командованию войсками в столь сложных специфических условиях. Выпускник Михайловского артиллерийского училища и Николаевской академии Генерального штаба, он проходил воинскую службу в штабе Петроградского военного округа, был начальником ряда военных училищ. 24 января 1914 г. он был назначен военным губернатором, командующим войсками Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска. Хабалов зарекомендовал себя хорошим администратором и 13 июня 1916 г. был отозван в столицу и назначен главным начальником Петроградского военного округа. 6 февраля 1917 г. Хабалов был переименован в командующего войсками Петроградского военного округа. Все это чрезвычайно расширяло его права как высшего воинского начальника в столице и окрестностях. Однако по характеру это был человек безынициативный, чересчур добрый и нерешительный. Он утратил контроль над воинскими частями в критический момент, и они отказались ему подчиняться.

Состав Петроградской полиции ко времени Февральской революции определялся приблизительно в 3,5 тысяч городских. Они были распределены по участкам и 10 рот составляли полицейский резерв, которым командовал жандармский полковник Левисон. Полиция была вооружена револьверами систем наган, браунинг, парабеллум и винтовками японского образца. В советской отечественной историографии существовало мнение, что в ожидании беспорядков полиция была вооружена пулеметами, якобы переданными из военного ведомства и заблаговременно обучалась пулеметной стрельбе. Однако уже в ходе следствия по обвинению бывших царских министров и главноуправляющих это обвинение не подтвердилось¹³. По свидетельству начальника артиллерийского управления генерала Барсукова министр внутренних дел А.Д.Протопопов действительно обращался к начальнику штаба Ставки генералу М.В.Алексееву с просьбой о снабжении полиции пулеметами, но получил категорический отказ на том основании, что их не хватало на фронте¹⁴. На крышах ряда зданий в столице были действительно установлены пулеметы для борьбы с аэропланами и дирижаблями противника. Полиция же в действительности стрельбе из пулеметов по улицам с крыш никогда не обучалась¹⁵.

Волнения и демонстрации шли в столице несколько дней. Количество забастовщиков составляло 60% всех промышленных рабочих города, На Невском проспекте в районе Казанского собора стихийно возникали митинги. Комитеты социалистических партий эсеров, большевиков, меньшевиков пытались вести агитацию на улицах, однако охватить своим влиянием сотни тысяч забастовщиков они не имели возможности. События развивались стихийно, толпа сама выделяла своих новых вожаков и лидеров. В ночь на 25 февраля полиция арестовала свыше 100 руководителей революционного подполья, в том числе 5 членов Петербургского комитета большевиков. Государственная Дума до 24 февраля на своих заседаниях выражала солидарность с бастующим населением, однако события трактовались как беспорядки из-за продовольственного кризиса. Вечером 25 февраля командующий округом Хабалов, военный министр Беляев и министр внутренних дел Протопопов отправили в Ставку телеграммы о невозможности справиться с событиями. В ответ Николай II потребовал «завтра же прекратить беспорядки». Утром 26 февраля солдатам, отправляемым в заставы на улицы города, впервые были розданы боевые патроны. Это было воскресенье, и первые демонстранты появились в центре города только после полудня. Мосты были свободны, но Невский проспект был перегорожен воинскими заставами в пяти местах. Началась стрельба. Сотни демонстрантов были ранены или убиты.

Одна из рот запасного батальона Павловского полка отказалась идти на Невский проспект и даже обстреляла взвод конно-полицейской стражи. Солдат увели в казармы, заставили выдать «зачинщиков». 19 человек были отправлены в Петропавловскую крепость, однако 21 солдат во время разбирательства сбежали с оружием. Стрельба в народ после трех дней промедления и братания войск с демонстрантами вызвали у солдат резкое чувство вины в том, что они стреляли в народ. Поэтому солдаты 4-й роты запасного батальона Волынского полка решили высказать неповиновение своим командирам. Солдаты захватили цейхгауз, разобрали винтовки и патроны и покинули казармы. Они присоединили к себе солдат запасного батальона Преображенского полка, а на улицах города соединились с рабочими Орудийного и Петроградского патронного завода, Рабочие не приступали к работе и бурно приветствовали вооруженных солдат. На митинге раздались призывы к захвату Окружного суда и Дома предварительного заключения. Среди ораторов на митинге появился один из первых руководителей Петербургского Совета 1905 г. адвокат Хрусталева-Носарь, напомнивший о событиях первой революции. После захвата тюрьмы оттуда были выпущены не только революционеры, но и уголовники и немецкие шпионы, вина которых не вызывала сомнения¹⁶.

По свидетельствам российских контрразведчиков, им пришлось производить аресты многих шпионов заново. В Петрограде после разгрома Окружного суда и Дома предварительного заключения «волей народа» было выпущено 97 лиц, числившихся за судебным следователем по особо важным делам Машкевичем. Вина этих людей была достоверно доказана.

2 марта при разгроме Ревельской губернской тюрьмы вышла на свободу большая группа немецких шпионов, задержанных Контрразведывательным отделением крепости Императора Петра Великого¹⁷.

Солдаты и рабочие захватили Финляндский вокзал, где состоялся часовой митинг, После этого была захвачена самая большая в Петрограде тюрьма «Кресты». Отсюда были выпущены на свободу две тысячи заключенных, среди которых были десять членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, которые были арестованы по распоряжению министра внутренних дел Протопопова еще 29 января. По партийной принадлежности все они были социал-демократами (меньшевиками-оборонцами). Восторженная толпа встречала их как героев революции.

Именно они призвали восставших идти к Таврическому дворцу, чтобы поддержать Государственную Думу. 27 и 28 февраля восставшие полностью блокировали Совет Министров в Мариинском дворце и штаб округа на Дворцовой площади, были захвачены все тюрьмы, Петропавловская крепость. По всему городу громили или сжигали полицейские участки.

Захватили Охранное отделение и разгромили его архив, был сожжен архив Петроградской городской думы. По городу устроили настоящую охоту за полицейскими. В тоже время с крыш некоторых домов, где расположились посты противовоздушной обороны, впервые раздались пулеметные очереди. Десятки случайных людей были убиты и ранены. Фактически в городе распорядился Совет рабочих и солдатских депутатов. Все полицейские попрятались. С аптек и государственных учреждений сбивали и уничтожали царскую символику, ее сжигали прямо на улицах¹⁸.

Итогом Февральской революции в России явилась ликвидация российской монархической государственности имперского типа. Армия, на которую она опиралась, во время войны окончательно переродилась: из ее состава выбыли почти все кадровые офицеры и солдаты, и она превратилась фактически в многомиллионную массу крестьян и рабочих, не прошедших прежней войсковой школы, а лишь переодетых в солдатские шинели. Между солдатами и офицерами, не прошедшими фронтовой школы, возникла полоса отчуждения, которая со временем превратилась в глубокую пропасть, разделившую единую армию по социальному положению.

Офицерский корпус формировался преимущественно из выходцев привилегированных сословий дворянства и интеллигенции, а солдатская масса состояла в основном из крестьянства и пролетарских слоев города. При существующей в России системе продвижения по службе в верхах российской армии ощущался острый дефицит способного талантливого генералитета. Однако это верно лишь относительно отсутствия полководцев и государственных людей, что же касается усмирителей, то их в России всегда было достаточно.

Неосмотрительность была проявлена и при подборе командного состава для петроградских запасных батальонов. Кадровых офицеров среди них было мало. Сюда назначались преимущественно или эвакуированные с фронта раненые и больные, либо же оказавшиеся неудовлетворительными в боевой обстановке. Явно недостаточным и плохо вооруженным оказался состав столичной

полиции. Во время вооруженного восстания у правительственных войск обнаружился недостаток боевых патронов, у казаков не оказалось нагаек для разгона демонстрантов, у правительственных частей, укрепившихся в Адмиралтействе, не было продовольствия для людей и фуража для лошадей, снарядов для орудий, которые даже еще не стреляли. В борьбе с начавшейся революцией царское правительство проявило столь же мало решительности и умения, как в войне с внешним врагом на германо-австрийском фронте¹⁹.

В итоге всех сложившихся экономических, политических и военных условий к началу 1917 г. в России стояли два враждебных непримиримых лагеря – пролетариат и крестьянство с одной стороны и буржуазия и помещики с другой. Столкновение между ними становилось неизбежным. Тем более, что они сорганизовались и сумели в ходе революции создать свои властные структуры. Это были Временное правительство, сформированное Временным комитетом Государственной Думы, и Исполнительный Комитет Петербургского Совета Рабочих и солдатских депутатов.

Российская империя была жестким централизованным государственным образованием. Его столица Санкт-Петербург (Петроград), как средоточие государственного управления и резиденция правящей императорской фамилии Романовых имела исключительное значение. Она являлась цитаделью Российской империи и олицетворяла ее крепость и незыблемость.

После эпохи дворцовых переворотов и наполеоновских войн российская гвардия редко принимала участие в военных действиях, поэтому оставление в столице гвардейских полков не могло никого особенно удивлять. Однако во время последней войны Российской империи Петроград оказался на театре военных действий и оставленные в нем гвардейские полки были включены в состав Особой армии, назначенной для обороны балтийского побережья от возможной высадки немецкого десанта. Полевое управление было образовано в августе 1916 г. из управления войск гвардии. Командующим Особой армии был назначен генерал от кавалерии В.И. Гурко, а начальником штаба – генерал-майор М.П. Алексеев. Ее отправка на фронт и замена кадровых частей запасными батальонами явилась одной из роковых ошибок императора Николая II. В результате в феврале 1917 г. в столице была собрана полуторастотысячная масса необученных и недовольных запасных солдат, по образному выражению современника «это было равносильно раскладыванию костров вокруг порохового погреба»²⁰.

В действиях революционеров стихийно действовал смелый план перехода от обычных стачек к массовым уличным демонстрациям с революционными лозунгами. В революционное движение активно вовлекалась вся недовольная войной и своим положением солдатская масса. Однако создать в войсках Петроградского гарнизона прочные партийные организации не удалось. Факты свидетельствовали, что большевики не были в состоянии поднять на борьбу широкие массы. «Нельзя переоценивать роль руководства. На острых стадиях развития рабочего движения возможность руководства со стороны партии была слабее...», писала Н.К. Крупская Л.Д. Троцкому в 1927 г.²¹ Руководитель Русского Бюро ЦК большевиков в дни Февральской революции А.Г. Шляпников был безусловно прав, когда в 1930 г., вспоминая, писал: «События возникли «вне плановой предусмотрительности» какого-либо центра... Ни по своему характеру, ни по классовым силам Февральская революция не была и не могла быть организованной и «вызванной» нашей партией... Я связывал приближающуюся революцию со стихией, делал все, чтобы подготовить пролетарские и прежде всего большевистские силы для возглавления этой стихии и придания ей организованности»²².

Постоянно продолжал меняться состав запасных частей, и катастрофически не хватало агитационных сил. Офицеры почти все поголовно уклонились от участия в вооруженном восстании. Солдаты были представлены сами себе. Они разбрелись по городу и смешались с толпами народа, в составе революционных войск не имелось ни одной воинской части, сохранившей элементарный порядок. Предварительная подготовка вооруженного восстания фактически полностью отсутствовала. Не было общего начальника революционных войск и даже небольшого кадра его штаба. Вследствие этого действия восставших распались на множество отдельных самостоятельных предприятий без всякой связи и общего руководства. Во время революции никто не распорядился захватить Центральную телефонную станцию и прервать телеграфные линии, связывающие Петроград с армией²³.

Что касается большевистской партии, то ее численность в целом по стране насчитывала 24–25 тысяч человек, а в Петрограде всего 2 тысячи человек. Руководство ими было рассредоточено, ослаблено и затруднено.

В Швейцарии действовало Заграничное Бюро ЦК во главе с Лениным и Зиновьевым, заменившее ЦК, избранный на У1 Пражской конференции. Многие члены ЦК были арестованы, находились в тюрьмах и ссылках или на нелегальном положении в разных регионах страны. В Петрограде

общероссийское руководство возглавляло Русское бюро ЦК во главе с П.А. Залуцким, В.М. Молотовым и А.Г. Шляпниковым. Общеизвестным лидером был А.Г.Шляпников, через которого шла связь с Лениным. В Петрограде действовал Петербургский комитет РСДРП(б), руководивший 16 районными партийными организациями. В канун Февральской революции Петербургский комитет был тесно связан с пролетарскими массами города. Кроме того, нелегально или полуполигально работали другие революционно-демократические организации. Среди них особое место занимала «Межрайонка», стремившаяся к объединению с меньшевистскими и сотрудничеству с эсеровскими организациями и группами.

Не лучше обстояло дело и в правительственном лагере. Убежденных и идейных монархистов в XIX столетии оставалось сравнительно немного, но зато было достаточно людей, которые прикрывались монархической идеей ради карьеры. Все они великолепно понимали необходимость введения конституционного строя и проведения социальных реформ, и они откровенно говорили об этом в узком кругу своих единомышленников. Однако в служебной и общественной деятельности они поддерживали самодержавный режим, поскольку тот обеспечивал их личное благополучие. Такое направление было особенно характерно для Генерального штаба Императорской армии, в котором при господстве карьеризма усердно топили способных и честных людей посредством обвинения их в либерализме, в сочувствии кадетам, в дружбе с общественными деятелями, находящимися в оппозиции к самодержавию.

Подбор воинских начальников по политическим мотивам и признаку личной преданности монарху только на первый взгляд, казалось, обеспечивал царское правительство надежной поддержкой на случай революции. Однако эта надежда в годы первой мировой войны не оправдалась. Отдельные высшие начальники вступили в тайные сношения с Прогрессивным блоком и Временным комитетом Государственной Думы. Они быстро превратились в сторонников конституционной монархии и вырвали у императора согласие на создание ответственного министерства, а затем, когда этого оказалось недостаточным, они принудили императора отречься от престола. Однако они ошиблись в своих расчетах, ибо вместе с Николаем II рухнул и монархический строй.

Власти ошибались в оценке происходящих событий как простых беспорядков. Впрочем, в революционном и либеральном лагерях происходящие события оценивали также. Переход в ряде районов Петрограда к решительным

действиям: применение оружия, расстрел демонстрантов и аресты революционеров сослужило властям плохую службу. Коренной перелом в ходе событий произошел 27 февраля, когда солдаты в массе стали переходить на сторону революционных рабочих. 28 февраля защищать царскую власть в Петрограде стало некому, в городе она фактически перестала существовать²⁴. В конечном итоге Февральский переворот создал в России двоевластие: Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов.

Между ними сразу же началась борьба за армию. Большинство в Советах получили представители социалистических партий меньшевиков и эсеров вопреки мнению советской историографии, что большевики «задержались» в уличных боях и недооценили значение формирования власти.

Очевидно, речь следует вести о том, что революция всколыхнула огромную массу различных социальных слоев. Партии большевиков, вышедшей из подполья, предстояла долгая и упорная борьба за массы. Однако даже в этом составе Советы выступали как революционная власть²⁵. Одним из первых наиболее радикальных законодательных актов этой революционной власти стал знаменитый «Приказ №1», расколовший русскую армию, которая начала быстро разлагаться. Он заложил основы демократизации всей русской армии. Именно с него началось повсеместное создание в войсках комитетов разных уровней, серьезно подрывающих власть подозреваемого в контрреволюционных намерениях командования. Большевики были достаточно близки к объединению с меньшевиками. Дальнейшее развитие этих процессов со свойственной ему решительностью прервал В.И. Ленин, вернувшийся в апреле 1917 г. из Швейцарии в Россию.

Партия большевиков для осуществления своих широких планов захвата государственной власти должна была предварительно выиграть бой за армию, завоевать на свою сторону вооруженные силы Временного правительства. Она достигла этого, выдвинув лозунги, которые привлекли на ее сторону солдатские массы. Разложение Российской армии шло с тыла к фронту. Главной движущей силой Февральской революции оказался петроградский гарнизон, переход которого на сторону рабочих обеспечил молниеносную победу революции.

Февральская революция явилась незавершенной буржуазно-демократической революцией. Она лишь серьезно надломила силу и мощь Российской государственности имперского типа. Одновременно с этим был нанесен

смертельный удар по российским спецслужбам, обеспечивающим государственную и национальную безопасность России.

Ход событий 1917 г., начиная с Февральской революции, таил в себе различные альтернативы: буржуазно-демократическую (Керенский), генеральско-диктаторскую (Корнилов), однородно-социалистическую (Мартов) и, наконец, большевистскую, леворадикальную (Ленин). В конечном итоге именно последняя альтернатива оказалась осуществленной благодаря парламентскому, экономическому и политическому кризису, ошибкам и слабости Временного правительства, катастрофическому падению его авторитета, авантюризму правых сил, радикализму «низов», замешательству и растерянности меньшевиков и эсеров, энергии большевиков, политической воле и политическому искусству вождей – Ленина и Троцкого. В победе Октября, как впрочем, и Февраля все еще остается много загадок. Большевики победили в конечном итоге не под социалистическими, а под демократическими лозунгами. «Красногвардейская атака на капитал» была еще впереди. Народ в своей массе в 1917 г. не осознавал, что он делает социалистический выбор, на какой путь он встает, и что ему на этом пути уготовила история.

Ссылки:

1 Исторический опыт трех российских революций. В 3 т. – М., 1985-1987. – Т. 2. Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. – М., 1986; Наше Отечество. Опыт политической истории. – Т.1. – М., 1991; 1917 г. В судьбах революции и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. – М., 1997; Драма Российской истории: большевики и революция. – М., 2003 и т.д.

2 В концентрированном виде эта концепция нашла свое выражение в следующих работах Орlando Файжес. Народная трагедия. Русская революция. 1891-1924. – Лондон, 1996; Карр Э. Большевистская революция 1917-1923. История Советской России. – М., 1990. Эмигрантская версия о ведущей роли российского масонства подробно изложена Георгием Катковым. См. Катков.Г. Февральская революция. М., 2006, а также Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М., 1990.

3 См. Де Лазари А. Мировая империалистическая война. 1914–1918 гг. – М., 1934. – С. 88, 106, 129.

4 См. Российская государственность и первая мировая война // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. – М., 1997.

5 Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). – СПб., 1994. – С. 374–385.

6 Россия в мировой войне. 1914-1918 гг. (в цифрах). – М., 1925. – С. 26.

- 7 Дементьев Г.А. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. – Пг., 1917. – С. 49.
- 8 См. Тайны Октябрьского переворота. – СПб., 2001. – С. 49.
- 9 Валентинов (Вольский) В. Недописанный портрет. – М., 1993. – С. 353.
- 10 Уткин. А. И. Ленинская партия во главе революционной борьбы рабочего класса России (июнь 1907-февраль 1917 г.) – М., 1985. – С.102–107.
- 11 См. Подробный анализ Ленинской теории империализма в кн. «Драма Российской истории: Большевики и революция». – М., 2002. – С. 154–159.
- 12 См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. – М, 1967; Лейберов И.П. На штурм самодержавия. – М., 1979; Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. – М., 1982; Старцев В.И. 27 февраля 1917 г. – М., 1984.
- 13 Падение царского режима. – Т.2. М.; Л., 1925. Допрос генерала Беляева М.А. 19 апреля 1917 г. – С. 196–248.
- 14 Там же.
- 15 См. подробно. Старков Б.А. Контрразведка последней войны Российской империи. – СПб., 2007.
- 16 Там же.
- 17 Вопрос о том, кто стрелял по демонстрантам из пулеметов с крыши зданий, оборудованных под огневые точки противовоздушной обороны Петрограда до сих пор остается открытым. В материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства ответа на этот вопрос нет. Существующие версии серьезным документальным материалом не подтверждаются. Поэтому большинство исследователей Февральской революции ограничиваются, как правило, лишь констатацией факта.
- 18 См. подробно. Мартынов Е.А. Политика и стратегия. – М., 2003. – С. 121–273.
- 19 См. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. – М., 1997.
- 20 Мартынов Политика и стратегия. М., 2003.
- 21 Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. – Т.1. – М. 1991. – С. 342.
- 22 См. Шляпников А.Г. Семнадцатый год. – Т. 3. – М., 1992.
23. Мартынов Е.А. Политика и стратегия. – М., 2003.
- 24 См. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. – М., 2006.
- 25 См. Февральская революция 1917 г. Сборник документов и материалов. – М., 1996.